

Да здравствует 1 Мая

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Цена № 12 коп.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ Университет

ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

1 МАЯ

1936 г.

№ 16 (251)

Ленинград, «164», Университет,
Редакция. Телеф. 2-74-53

Орган Комитета ВКП(б) Ленинградского Государственного Университета им. А. С. БУБНОВА

Жить стало лучше,
жить стало веселее

„Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее“ — так сказал великий Сталин. Эти слова замечательны тем, что они выражают мысли и переживания каждого из нас, каждого гражданина Советской Страны.

„Жить стало лучше, жить стало веселее“, говорит стахановец, познавая высокую радость социалистического труда. „Жить стало лучше, жить стало веселее“, — говорит колхозник, радуясь плодородию необозримых колхозных полей. „Жить стало лучше, жить стало веселее“, — говорит ученый, когда в тишину его лаборатории врывается победоносный шум грандиозных работ.

Какое счастье выпало нам, участникам социалистического строительства, гражданам великого Советского Союза, современникам Ленина и Сталина, жить в такую кипучую и полнокровную эпоху.

Особенно завиден удел советской молодежи! Именно ей, молодой поросли коммунистического поколения, дано жить, работать и творить в первом социалистическом обществе мира. Советская молодежь, поколение Октября, — это особенная молодежь.

Сошли со сцены „герои“ и „властители дум“ буржуазного общества, Чайльд-Гарольды, Печорины, Рудины. Сошли со сцены истории трубадуры меланхолии, идеологи пессимизма, певцы извращенности.

Нового героя, нового властителя дум выдвигает наша эпоха.

В нем мы видим жажду к жизни. В нем мы видим преданность своей великой отчизне. В нем мы видим ненависть к рабству и эксплуатации. В нем мы видим любовь к труду. Мы видим в нем горение великого пламени Революции.

Да здравствует советская молодежь! — провозгласил наш Сталин на X съезде комсомола.

И вот на эти слова Великого вождя, мы, советская молодежь, в день 1 мая, отвечаем как один:

Да здравствует Советский Союз — отчизна трудящихся всего мира!

Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)!

Да здравствует вождь народов — товарищ Сталин!

Да здравствует мировая пролетарская революция!

ПРИВЕТ работникам науки и техники,
искусства и литературы, укрепляющим техническую и культурную мощь социалистической родины!

Да здравствует расцвет культуры народов С.С.С.Р!
(Из лозунгов ЦК ВКП(б)).

Я — маленький советский гражданин.
Впервые вижу мая теплый ливень
Хоть я и не велик, но я из тех один,
Кто будет вас ЕЩЕ СЧАСТЛИВЕЙ.

1-е МАЯ

В. В. Маяковский

Мы
Коллектив!
Человечество!
Масса!
Довольно маяться.
Маем размайся!
В улицы!
К ноге нога!
Всякий лед,
под нами
ломайся!

Тайте,
все снега.
1 мая.
Пусть
каждый шаг,
в булыжник ударенный,
каждое радио,
Парижем отданное,
каждая песня,
каждый стих —
врубит
международный
марш солидарности,
1 мая.

Еще
не стерто с земли
имя
последнего хэзчина,
последнего господина.
Еще не в музее последний
трон.

Против черных,
против белых,
против желтых
воедино —

Красный фронт!
1 мая.
Уже на трети мира
сломан лед.

Чтоб все
раскидали
зим груз.

Крепите
мировой революции
оплот,

серпа,
молота союз.
Сегодня
1 мая.

Наше знамя
над миром растя,
дружней,
плотней,
сильней смыкаем

Плечи рабочих
и крестьян.

1 мая.
Мы
Коллектив!
Человечество!
Масса!

Довольно маяться —
в мае размайся!

В улицы!
К ноге нога!
Весь лед,
под нами
ломайся!

Тайте,
все снега!

ИХ ЯЗЫК—ОДИН, ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ НАШЕЙ СТРАНЫ

Человек, родившийся в первой четверти XX века северо-западнее Уральского хребта, или в верховьях Камы, или на юго-восток от Байкала, имеет право, состарившись, сказать о себе, что он прожил не одну, а сто жизней.

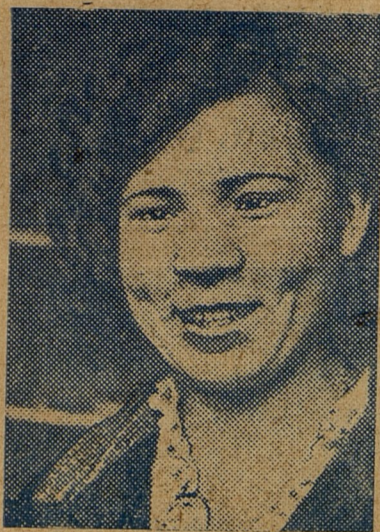
В самом деле, — его детство протекало среди первобытных племен, нищих и суеверных; он слушал пение шамана; может быть, родители продали его в рабство и, может быть, он чистил металлические украшения на праздничном плаще своего господина.

И после такого детства, пережив тысячелетия, наш герой мог очутиться юношей на скамейке университетской аудитории, чтобы стать в зрелости ученым деятелем социалистического государства, который снашивает за год меньше ботинок, чем автомобильных шин.

Вот о таких-то людях — о зырянах, башкирах, бурятах, — учащихся сегодня в университете, мы и пишем на этой странице.

20 ЛЕТ назад царское правительство устроило в Киргизии кровавую резню за то, что киргизы посмели отказать жертвовать своими жизнями, — бросая хозяйство, жен и детей на произвол судьбы, — ради царя, который был их палачем, за веру, которая была им чужой, за отечество, которого у них не было. Грамотные насчитывались среди киргизов единицами, нагайками и шашками наемников царя, спиртом и сифилисом российских купцов насаждалась им „цивилизация“.

20 лет смели воспоминания о жандармах, исчезли и собственные паразиты — баи и муллы. Новая латинизированная письменность, книги и газеты на родном языке, дети, поголовно охваченные школой, вузы, научно-иссле-

Дуся Балахнина

том недавнем времени, когда Узбекистан страдал под двойным игом царского империализма и собственного кулачества. Немало крови было пролито трудящимися-деханями Узбекистана за право строить свободную, счастливую жизнь, и право это Узбекская братская республика использует в полной мере. Создается новая культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Вузы, вузы, музеи, театры, кино. Немаловажным центром этой культуры становится молодая Узбекская академия наук. Для работы в этой Академии готовится у нас в университете аспирант по кафедре физиологии животных Алимов.

СОВСЕМ далеко на север от палящего солнца Узбекистана и Киргизии раскинулась на холмах Тимана суровая тайга Коми-Зырянской области.

Трудно и нерадостно было детство зырянки **Ани Онуфриевой**. Ее мать в юности была насильно выдана замуж за богатого старика, ушла от него и много лет батрачила. Когда родилась дочь, батрачку выгнали. Шли годы поденщины, рабства, голодной жизни. Едва выучив девочку, едва поставив ее на ноги, мать снова вышла замуж в большую семью. Девочка осталась одна. Анна решила, и в 12 лет в 1922 г., с котомкой за плечами, одна, пошла пешком за много верст в город Сыктывкар. Там — семилетка, техникум, замужество, ребенок, педагогическая работа... Но ее манила профессия ученого-естествоиспытателя, и в 1933 г. Онуфри-

ву командируют в ЛГУ на специальность ботаники. Сейчас она на III курсе, учится хорошо, и мальчуган у нее отличный.

ШУСТРАЯ, кареглазая **Дуся Балахнина** родилась в бедной чувашской крестьянской семье. Учитель в сельской школе настойчиво внушал девочке мысль учиться дальше. Через множество лишений, голод Поволжья в 1921 г., детский дом, пронесла она свою жажду знаний, сначала в Чувашский педтехникум, а в 1933 г. и в университет. Здесь мы видели ее на вступительном экзамене по обществоведению, где интересные и смелые ответы привлекли к ней всеобщее внимание. Сейчас она — грунтовед 3 курса. Комсомолка и физкультурница, она учится с большой любовью и, вспоминая трудное детство, улыбается счастливой улыбкой, ведь это все далеко позади, а сейчас перед ней расстилается ясный, радостный путь советского студента, а в будущем — специалиста.

НА границе великой тайги Каха и великой степи Каха-ю-гол, там, где быстрая, прозрачная Каха-ю-горхун обгибает священную скалу Окса-гыр, кочевал бурятский улус Голи-эль.

Шли тяжелые свинцовые годы. Все меньше юрт оставалось в улусе. Ограбленные и обездоленные, загнанные волей монаршей Руси в непроходимые таежные дебри, вымирали буряты, изнемогая под двуглавыми ударами сифилиса и алкоголя.

Лето сменяло лето. Бесновались шаманы, справляя Тайлагын. Курились жертвы в честь четырех священных гор. Заунывные песни слагались в бурятских улусах и, казалось, нет конца великой тоске этих песен...

Афанасий Гаханов

В юрте Капито Гахана было много детей и совсем мало — овец. И вот однажды бедняк Гахан продал своего 10-тилетнего Охнаша. Жалко было Капиту расставаться с сыном, но богатый Пасып предложил хорошую цену — старую юрту, десятину утуга (пюкоса) и полосу земли для гречиши. Когда была откупо-

Сеня Назаров

рена третья бутылка, Капит и Пасып ударили по рукам.

На этом история маленького Охнаша могла бы кончиться, если бы... не прогремел 17 год. Красное пожарище прокатилось по России, огненными языками слизывая урядников и купцов.

Великая революция пришла на помощь великой тайге.

Красный партизан, коммунист Бранников ездил по родным бурятским улусам. По поручению партии он вербовал детей во вновь открытые школы. Охнаша оказался в числе этих счастливых.

После окончания начальной школы Охнаша Гаханова направили в Верхнеудинск, в национальный педтехникум и после трехлетней педагогической работы — в Ленинградский университет.

На днях математик — **Афанасий Капитович Гаханов**, первый бурято-монгол, окончивший математический факультет университета, защищает свою дипломную работу — „Конформное отображение кольца на двусвязную область“ и уезжает на работу в недавно открытый национальный Бурято-монгольский пединститут.

ТЮРОК **Садых Мамедов** никогда не видел своего младшего сына. Измаил появился на свет вскоре после смерти отца. Его вырастил старший брат.

Измаил стал математиком. Наши южные народы любят эту науку — вот факт, объяснить который мы не хотим, потому что боимся обидеть другие науки. Математики же объясняют этот факт наличием хорошего вкуса.

Учится Измаил хорошо,

хотя первое время ему было очень трудно из-за незнания языка. Из отдела математики ему больше всего нравятся дифференциальные уравнения. Пожелаем ему получить пятерку по этому предмету в весенней зачетной сессии.

ШАФИКА ШАРАФ родилась в Казани в 1915 г. Она училась 2 года в татарской школе, окончила русскую школу, педтехникум и, как одна из лучших, была командирована в университет. Может быть, вы ее знаете? Эта та самая Шафика Шараф, которая так хорошо и весело учится на своем II курсе астрономо-геодезической специальности и хочет стать обязательно астрономом, но не геодезистом. Что-ж! Прекрасно. „Человеку даны глаза, видящие небо“ — как говорит старое латинское изречение.

ИХ много таких, как **Сеня Назаров** — магнитолог, едущий работать на свою родину в Марийскую область и мечтающий перевести на марий-

Ваня Сергеев

ский — Островского — „Как калялась сталь“, как **Ваня Сергеев** — чуваш, способный математик, хороший инженер-авиаконструктор, чья дипломная работа одним своим названием „Исследование асимптотического профиля с предкрылком и закрылком в плоско переплетенном и установившемся потоке“ — наводит страх на непосвященных в таинства аэромеханики; как **Гаяль Зайнуллина** — биолог II курса, комсомолка-отличница, наполняющая своим задорным, счастливым смехом, порой, целую аудиторию; как **Янгуразов** — эконом-географ V курса, обещающий научный работник и много, много других.

Их много — карих, смуглых, черных, скуластых, — из бывших колоний царя. Они уверенно вошли в жизнь и крепко держат свое счастье.

Для них школа, а тем более высшая школа была когда-то недостижимой мечтой.

Теперь они уверенно шагают по университетскому корридолу. Как заразительно они смеются, как радостна их улыбка!

Они говорят на многих языках, но язык этот один. Это — язык нашей Великой социалистической родины, в которой они строят новое коммунистическое общество, в которой для них строится новое коммунистическое общество.

Авторы страницы: В. Кувалдин (фото), Э. Лазарев, Р. Мерклин, Ю. Сирвинт.

Аня Онуфриева

довательские институты... Быстро растет юная киргизская рудовая интеллигенция.

Так большевистская национальная политика, политика Ленина и Сталина дала возможность комсомольцу **Джамилу Чокпанкулову** кончить Средне-Азиатский университет, дала возможность совершенствовать свои знания в аспирантуре у проф. Догеля готовиться к будущей работе в Узбекской академии наук. Первый киргиз-биолог, Джамиль уже два раза участвовал в Памирской экспедиции и имеет законченную научную работу, которая на днях выйдет из печати: — Гельминты овец и яков Памира“.

КОМСОМОЛЕЦ **Алимов** — узбек. Он сын бедняка и может многое рассказать о

С выставки
студенческих работРадлова — „Этюд“
Фото В. КУВАЛДИНА

ПРЫЖОК

Владимир Артюковский

В садах черемуховым мелом
Осыпал травы вешний день.
За палисадами горела
Лиловым пламенем сирень.
В тот миг на желтом стадионе
Жара стояла, как нигде;
И тесно было, как в вагоне,
И тихо было, как в суде.
Я шел дорожкой для разгона
В виду друзей, в сияньи дня,
И кто-то в кофточке зеленой
Смотрел с тревогой на меня.
И кто-то мял руками брошку
За тихой замершей толпой...
И вот песочная дорожка
Одна осталась предо мной,
И я качнулся легкой тенью
К судье, к товарищам вдали,
И на одно лишь на мгновенье

Я отделился от земли.
Здесь миг равняется с веками.
Я твердо стал в песок, и вдруг
Хлопки кругом загромыхали
Моих друзей, моих подруг.
Мои друзья меня качали.
Я вверх взлетал, под небеса.
И сто девчонок целовали
Меня наверно полчаса.
И я стоял смешной и потный,
Волной захлестнутый, как буй.
Но мне запомнился из сотни
Один дрожащий поцелуй.
В нем было все: и ясность
страсти,

Признание первое без слов.
В нем было все: и наше счастье,
И наша дружба, и любовь.

В ЗАЩИТУ ПТИЦЫ

В. Лившиц

Орел, смирясь, просил пощады,
Но декоратор—глух. И вот
Орел горюет на досчатом
Киоске минеральных вод.
Снаружи намалеван Терек.
Он краской хлещет по глазам.
Внутри же, возместив потери,
В бутылках продают нарзан.
Колочим воздухом дыша,
Поэт обязан заступиться
За вас—охаиванный ландшафт
И опороченная птица!
Орел, чей снова зрим позор,
Сперва посажен был на ржавый
Герб опрокинутой державы—
Крылатый латник,

Хитрый вор
С плешивым черепом халдея,
Дракон,
Привыкший жить владея,
Родных поработоритель гор,—
Клеймя монеты, зданья, вещи
И кабаки, где стон и дым,—
Тогда он выглядел зловеще...
Теперь он выглядит смешным...

Орел—воинственная птица,
Умеющая насмерть биться,
Любому нанося удары,
С любым вступающая в бой,
Символизирует собой
Изжоги, язвы и катарры.

ПЕСНЯ О НЕЗНАКОМКЕ

Владимир Артюковский

Для тебя мои поются песни,
Светит солнце, ходят облака.
Для тебя, хорошей, неизвестной,
По бумаге стелется строка.
Может быть, мы рядом
проживаем

На проспекте солнечном моем.
Может, ездим на одном трамвае,
На веселом номере восьмом.
Может, ты—с галошного завода,
Может быть, от звонких веретен,
Иль меня моложе на полгода
С завитою чолкой почтальон.
Все равно, с тобою, несуровой,
Встречусь я весною у Невы.
Ты натянешь шелковые брови
Точно две татарских тетивы.
И тогда простреленный на вылет
Никому невидимой стрелой

Я скажу: хорошая, не Вы ли
Обо мне грустите над Невой?
Ты опустишь стрельчатые веки,
Успокоишь влюбчивую кровь,
И тогда приласканный навеки
Я писать не буду про любовь.

Про любовь,
что радует и мучит.
Про любовь,
что плачет и поет.
Про любовь,
что встретит и разлучит.
Про любовь,
что будет и уйдет.

Никогда про зори и закаты
Не спою я песней и стихом,
И меня приятели-ребята
Назовут ответным соловьем.

Смотр художественной самодеятельности

Студентки V к. Биофака Люда Каценко (справа) и Клара Шапиро
УЗБЕКСКИЙ ТАНЕЦ

ЛЕСНОЙ ВЕТЕР

Кронид Гарновский

Тяжелые тучи встают навесу,
По небу сползают неловко.
Как видно—готовится нынче
в лесу
Хорошая постановка.
И ветер обходит лесные углы—
Готово ли все для веселья?
Звенят ли, как следует, сосен
стволы,
И в тон ли настроены ели?
Он флейты, валторны и скрипки
собрал,
Но все ему мало и мало...
А зал? Ты, наверно, еще
не видал
Такого концертного зала!
Да, ты не видал
(ты проспоришься зря)
Его театральный обычай,
Таких декораций, какие заря
Ему приготовила нынче,
Но он не торопится. Он
подождет,
Сбираясь с волнением, покамест
Июльская душная ночь
не сметет
Заката последнее пламя.
Тогда он выходит на сцену—
и вот

Опущенный занавес ночи
Взметенная молния яростно рвет
С размаху—на мелкие клочья.
По взгорьям разносится гулкий
раскат
До самого дальнего края.
И ветер игру начинает—слегка
Робея, томясь и смиряясь.
Ему ли, прошедшему землю без
карт,
Томиться в неловком смущении?
Ему ли стесняться? Он входит
в азарт,
В неистовое вдохновенье.
И все по порядку—и стоны,
и плач,
И жалобы темных наитий...
Он сам дирижер, и скрипач, и
трубач,
Артист, и восторженный
зритель.
И вот—о недавнем смущении
забыв,
Сливает он бешеным взмахом
Безумье шамана и мощный
разлив

Второй оратории Баха.
Но, к чорту! Срываясь
в свирепый мажор,
Он пляшет по черным лощинам,
Холодную пену полночных озер
Швыряет в прибрежную глину.
Он в ярости путает строй
и лады.
Иди, разберись, если хочешь,
В гуденьи стволов и разлете
воды
В бреду разгулявшейся ночи.
Я тоже ему аплодировать рад
В восторге неистово-жарком,
Пройдя без билета в безумный
театр,
В руке не зажав контрамарку.
Под утро усталый, довольный
с собой,
Он молча уходит по скатам,
По желтым буграм, где цветет
зверобой,
Ночным иступленьем измятый.
Уходит—не тронет озерной
слюды,
Листка не сорвет по ошибке.
И только изломанных сосен ряды
Лежат—как разбитые скрипки.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

(Рассказ гамбургского матроса)

Я шел по лесной гавани
Альтоны. Огромные поленицы
блестящих, белых чурок тяну-
лись бесконечным коридором, из-
редка пересекаемые боковыми
переходами. Короткие и тол-
стые, они наполняли все про-
странство, подымаясь направо и
налево высокой стеной. Впере-
межку с поленицами пиленого
леса возвышались штабеля досок.
Ровные ряды их образовывали
улицу целого города штабелей,
раскинутого на огромном про-
странстве.

Было еще рано.
Угрюмые, придавленные тя-
желой работой, фигуры грузчи-
ков изредка попадались мне на
встречу и исчезали в бесконеч-
ных переходах между штабеля-
ми. Где-то в глубине порта
кричал гудок паровоза.

Я шел одиноко. Тяжелые дум-
мы гнездились в моей голове.
Вот, иду я один, а недавно, со-
всем недавно мы ходили всегда
двоим. Я и брат Вилли.

А теперь я один. И никогда
больше не будем мы шагать
вместе с Вилли по лесному
молу Альтоны.

...Когда привели в штаб, на-
чальник отряда долго смотрел

в лицо Вилли. Потом бросил в
сторону:

— Этот?
— Этот самый, господин ка-
питан,—услужливо ответил ка-
раульный штурмовик.

— Слушай, красная свинья,
ты немедленно устроишь собра-
ние всех забастовщиков. Орга-
низуешь выступление и прове-
дешь резолюцию о выходе на
погрузку „Олимпиа“. „Олимпиа“
должна быть погружена.
Понял?

— Нет, этого никогда не будет.
— Так, слушай дальше, если
через пять минут я не услышу
от тебя „да“, я сделаю тебя
красным. Ну!

Начальник откинулся в крес-
ло и достал сигару.

Пароход, срочной погрузки
которого добивались хозяева,
должен был везти подозритель-
ный груз на восток. Рабочие и
до забастовки неохотно грузили
его. Забастовка окончательно
прекратила погрузку. Двинуть
грузчиков на работу не мог
никто, кроме Вилли, председа-
теля стачкома. Вилли хорошо
знал, что значит „сделать крас-
ным“ на языке фашистов, но
он молчал.

Прошло пять... шесть... семь
минут.

— Ну?!
— Я не предатель.
Звонкая пощечина хлестнула
Вилли.

— Ты предатель родины,
мерзавец,—вскочил капитан,—
ну, погоди, ты у меня запла-
нешь!

Под казармой штурмовиков
был погреб, про который ходи-
ла страшная слава, и когда на
другой день мать просила у
штурмовиков выдать ей хоть
тело сына, начальник поломал-
ся, а потом приказал:

— В назидание другим вы-
дать эту падаль из подвала.

Я вышел к причалам. Длин-
ной очередью выстроились ко-
рабли. Было необычайно тихо,
только кое-где спешная по-
грузка.

Еще рано. Я забираюсь на
поленицу, где обычно отды-
хают грузчики, и ложусь. Солн-
це меня пригревает. Надо мной
голубое небо, сбоку видны вер-
хушки мачт с перекинутыми ан-
теннами, белеющими изолято-
рами.

Я поворачиваюсь на бок, ле-
жать неудобно на круглых чур-
ках, и смотрю в другую сторо-

ну. Это „немецкая сторона“, я
вижу голубое небо, мачты, про-
тивоположный берег с кучами
угля, а в голове опять брат
Вилли.

Тяжело!
Зачем он погиб? Все равно
мы работаем по-старому. Все
равно шупо ошупывает каждого
при входе. Все равно, штурмо-
вики могут убить каждого из
нас. Все равно, мы грузим хо-
зяйские пароходы.
Тяжело... Я смотрю вдаль.

Между мачт, на одной, приле-
пился красный комок. Красное
знамя, недавно поднятое на
всех пароходах Германии, крас-
ное знамя, прилепленное белой
печатью с крючковатым кре-
стом. Это знамя реет над все-

ми пивными штурмовиков. Кро-
вавое знамя фашистов. Опять в
голове брат Вилли... я холо-
дею... и с ненавистью смотрю
туда, на кровавый кусок на
мачте.

С моря пахнуло легким ве-
терком. Затрепыхались флаги.
Красный комок вздрогнул и
медленно, лениво выпрямился.
Я замер.

Там, на мачте неизвестного
парохода веял Красный флаг,
украшенный серпом и молотом.
Гордое, прекрасное, совет-
ское знамя.

И я внезапно понял, ради чего
погиб Вилли, и забыв, что
меня могут услышать, что порт
после забастовки полон шпи-
ками, вскочил и закричал:

— Heil Moskau!

Недавно в Университете закончился смотр художественной самодеятельности, на котором выявлены талантливые музыканты, певцы, поэты, чтецы, художники.

На снимке, слева, участник университетского и районного смотра художественной самодеятельности — механик V курса **Абрам Мазья**.

Справа — „Пейзаж“, картина геохимика V курса **Шлихтера**, картина послана в Русский музей на общегородскую выставку.

ПРАЗДНИК ТВОРЧЕСТВА

Праздник чувствуется в каждом углу. Взгляните в гардероб, пройдите в парикмахерскую. Там сегодня побывала треть университета. Подымитесь по широкой лестнице; здесь стоят, широко улыбаясь, счастливы, которые успели вырвать билет из рук растерянных культработников. В зале, еще за час до начала, заняты все места. Зритель проявляет приятное нетерпение. Ну, словом: „театр уж полон, и ложи блестят“, так что исполнители проникаются небывалом уважением к себе.

Лену Фукс, чья популярность сказочно возросла за последние дни, добросовестно рвут на части возбужденные участники. Но вот, начинается.

Франц, неподражаемый конферансье — серьезная угроза Гаркави, объявляет первый номер.

Звучит 5-й симфонии Бетховена, вырываясь из под 4-х рук Меркуловой и Кудриной, облетает зал. Это — первый номер. Неплохое начало. И пошли сменять друг друга певцы, композиторы, поэты, танцоры.

Зрители сегодня исключительно внимательны.

Они „дробятся“ о мрачные

скалы“ вместе с Черновым, излучают бесконечную теплоту, вместе с Новожиловой.

Им всем становится „16 лет“ от бесхитростного пения Кноринг.

Грузные сапоги Исаева прерывают лирические размышления. Он совсем не тот юноша, который пришел в село в предыдущей песне. Ему некогда мечтать. Он ввалился сюда с серьезным намерением и, честное слово, разнесет эстраду, если Ухина не пойдет с ним танцевать. К счастью она благосклонна.

Но вечер близится к концу. Уже поговорила с зимовщиками Мойжес...

Уже „отзвенел колокольчик“ Чеботаревой.

Уже и я... прометалась по эстраде, чуть не забросив кинжал в самое сердце жюри.

На другой день мы слушаем Степанову, которой „непременно надо учиться“, смотрим сестер Соковых, которых можно отличить друг от друга только потому, что одна танцует легче другой (пусть разберутся сами, которая — мне не под силу).

Мы слушаем Мазью и Елисеева и получаем удовольствие самое настоящее, без всякой скидки на самодеятельность.

Но, увы, завершающий номер — выступление джаза — не доставил удовольствия, даже с огромной скидкой на самодеятельность. Джаз хотел показать нечто до сих пор несслыханное, и он преуспел в этом отношении. Колорит музыки изменен до такой степени, что ничего нельзя разобрать.

Неприятное впечатление от фальшивой, неритмичной игры, от пестрой одежды оркестрантов — спешат сгладить сами зрители.

Б. Газарян.

Катя Андреева с сыном Геней

Кабинет великого ученого

Многие ли знают, что в стенах нашего университета находится кабинет Д. И. Менделеева? Он помещается в тех комнатах, которые занимал Дмитрий Иванович, будучи проф. университета.

Кабинет является богатейшей сокровищницей научной мысли и содержит ценные материалы о самом Д. И. Архив в кабинете хранит много материалов по истории химии и химической промышленности, материалы, касающиеся тихоокеанской проблемы, воздухоплавания, рабочего и крестьянского вопроса, развития нефтяной промышленности и т. д.

Сама библиотека Д. И. Менделеева не только необычайно интересна, как коллекция книг, отражающая разнообразные интересы гениального ученого, но она особенно драгоценна еще по двум причинам: потому, что она описана библиографически самим Д. И. Менделеевым по его оригинальной библиотечной системе, и потому, что в ней мы находим собственноручные пометки Дмитрия Ивановича на полях, на титульных листах, имеются даже книги с вpletенными чистыми листами, где рядом с текстом Д. И. записывал свои мысли

и замечания. Интересно, что среди его книг имеется большая революционная литература, искусно скрытая в переплетах книг, с пометками Менделеева.

При ознакомлении с деятельностью Дм. Ив. и при изучении оставленного им литературного наследия поражает необычайно широкий диапазон и многогранность его интересов. Уменью Менделеева ставить научные проблемы и разрешать практические задачи научно — мы и должны учиться. Он отличался чрезвычайным трудолюбием, прекрасно умел организовать свой умственный труд. В его трудах всегда имеется теснейшая связь науки и практики.

В его деятельности поучителен также и метод его работы, „стиль“ работы.

Социалистическая наука и культура в своем созидании берет все лучшее и полезное, что осталось ей в наследство от прошлого, — в кабинете Менделеева, в его библиотеке хранится наследие Менделеева, изучать и знакомиться с которым следует нашей молодежи, нашим будущим молодым научным кадрам.

Научный сотрудник кабинета **Т. Волкова**

Катя Андреева

Василий Андреев пришел с митинга возбужденный и радостный.

— Ну, Варя, теперь нам будет легче жить! — сказал он жене.

Семилетняя Катюша с удивлением смотрела на отца. На его груди красовался веселый красный бант, и сам он тоже был непривычно веселый, смеялся и что-то рассказывал матери.

Но не сразу жизнь стала легче и веселее для таких бедняков, как Василий и Варвара Андреевы. Тяжелая батрачья жизнь позади, но она оставила гнусное наследство: ревматизм, грижу, туберкулез. А надо работать: куча маленьких детей, у жены печальные глаза и красные, опухшие, усталые руки... Василий работал, пока мог.

Двадцатый год. Неприветливый осенний рассвет. В комнате сыро и холодно. У кровати умирающего вся семья — больная жена и пятеро ма-

леньких девочек; старшей 11 лет.

— Вася, что я с ними буду делать?

— Как-нибудь, Варвара... Перебейся... будет легче... Помолчал, добавил:

— Держись за Катю, она тебя не оставит.

Катя тихонько обняла мать. Кате 10 лет, но она уже работает: помогает в хозяйстве зажиточным соседям, нянчит их детей. Ее годовая плата — 3 мешка картофеля и ситцевое платье.

Кате — 14 лет. Катя — работница Таицкой больницы имени Семашко. Она горда своим положением, горда тем, что работает, живет самостоятельно и помогает матери. Все работницы знали и любили маленькую, приветливую швею из бельевой. Свободное время Катя проводила за чтением. Особенно ей нравился Горький. Постепенно созревало желание учиться.

— Я всегда — говорит Катя

— буду с благодарностью вспоминать тех людей, которые приучили меня к чтению, пробудили желание учиться.

Эти люди — муж и жена Игнатьевы, оба — коммунисты. У них всегда находилось для меня ласковое слово, умный совет, хорошая книга. Еще более я обязана завед. больницей Михаилу Дмитриевичу Боброву. Это был седой старик, старый партиз. Он руководил моим чтением, приучил интересоваться газетами, разъяснял политические события, втянул в общественную работу.

Вскоре я уже работала по вечерам сельским избачем, затем меня выбрали в местком нашей больницы. В 1928 г., когда мне было 17 лет, я уже была членом сельсовета.

В больнице Катя проработала до 1934 г., затем приехала в Ленинград и поступила на рабфак ЛГУ. На рабфак сразу же вступила в комсомол. Рабфак окончила в 1934 г. на хорошо. Поступила в университет. Первую зачетную сессию сдала на удо-

влетворительно и хорошо, вторую — на хорошо и отлично, третью — на отлично.

Сейчас Катя Андреева — лучшая отличница учебы на II-ом курсе геолого-почвенно-географического факультета.

У Кати ребенок — трехлетний здоровый бутуз, который уже знает все буквы. Катя — заботливая, внимательная мать. Катя — приветливый, отзывчивый товарищ. Катя — выдержанная, политически грамотная комсомолка. Катя — энергичный общественник. Катя — одна из лучших по успеваемости студенток.

И как это Катюшка, маленькая батрачка, нянька кулацких детей, преобразилась в жизнерадостную, культурную женщину? Что дало ей такую силу? Может быть ее закалило тяжелое детство?..

Варвара, мать Кати, тоже когда-то была шустрой девочкой, с острыми глазами. Она тоже была маленькой батрачкой. Василий, отец Кати, был батраком. Василий и Варвара всю жизнь мечтали о счастье, всю жизнь его добивались...

Да, отец был прав, когда осенью 17 года он пришел с красным бантом и сказал: — „Теперь нам будет легче жить“. Нам — значит — всем рабочим, всем батракам, всем, кто до той поры очень много работал, очень плохо жил и очень рано умирал...

Катюша задумалась. Геня допил свое молоко и, позавыв о полуразвернутой конфетке, с удивлением глядит на мать. Она какая-то непривычная. Геня привык видеть свою мамуло веселой, смеющейся. Но вот, мать замечает сына. Ты, что, плутишка, уставился, — смеется она. Мама смеется — порядок восстановлен, „плутишка“ улыбается и вдруг, вспомнив о своей конфетке, решительно сдирает с нее последнюю блестящую бумажку.

Эм.

Отв. редактор: **С. УТЧЕНКО**

Ленгорлит № 11419.
Время сдачи в набор 26/IV-36 г., 1 л.
Подписано к печати 29/IV-36 г.
Стат. форм. бум. 62x88. Тир. 2600 экз.
Общее колич. знаков 62.000. Зак. № 461
Полиграфическая лаборатория ЛГУ.
В. О. Университетская наб., д. 7/9